

Гибридные войны США с Европой и Восточной Азией в 2014–2020 гг.

Скопин Алексей Юрьевич

доктор географических наук, профессор, Кафедра истории и регионоведения, Московский гуманитарный университет, Россия, Москва, alex_skopin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0493-5642>

Аннотация: С 2014 г. США перешли к ведению активной гибридной войны с Европой, а с 2016 г. – с Восточной Азией. Целью этих войн является ликвидация зоны евро и негативное экономическое воздействие на экономику Европы и Восточной Азии, для сохранения глобального экономического лидерства США и сохранения мирового значения доллара как средства накопления и расчетов. При затратах в 15–20 млрд долл. в 2014–2019 гг. ежегодный ущерб от четырех инструментов негативного воздействия для европейской экономики составил 300 млрд долл. (2020 г.), а для экономики Восточной Азии – 250–300 млрд долл. от пяти инструментов воздействия. Это показывает высокую экономическую эффективность гибридных войн США и их неизбежное продолжение в ближайшие годы.

Ключевые слова: гибридные войны, США, ЕС, Европа, зона евро, Восточная Азия, Китай, юань

US hybrid wars with Europe and East Asia in 2014–2020

Aleksey Yu. Skopin

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of History and Regional Studies, Moscow University for the Humanities, Russia, Moscow, alex_skopin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0493-5642>

Abstract: Since 2014, the US has moved to conduct an active hybrid war with Europe, and since 2016 - with East Asia. The goal of these wars is to eliminate the Euro zone and have a negative economic impact on the economies of Europe and East Asia, in order to preserve the global economic leadership of the United States and preserve the global value of the dollar as a means of accumulation. At a cost of 15-20 billion dollar in 2014-2019 the annual damage from the four instruments of negative influence to the European economy amounted to 300 billion dollars and for the East Asian economy, it is 250-300 billion dollars (2020). This shows the high efficiency of US hybrid wars and their continuation in the coming years.

Keywords: hybrid wars, USA, EU, Europe, Euro zone, East Asia, China, Yuan

С 2014 г. США перешли к ведению активных гибридных войн со всем миром, но особенно со своими главными экономическими конкурентами – Европой и Восточной Азией. Ставки в этих войнах крайне высоки. Для США – это сохранение глобального экономического лидерства, для собственников Федеральной резервной системы – это сохранение доходов от печатания и продажи долларов (каждый напечатанный доллар приносит доход 900%), т.е. сохранение функции доллара как мировой резервной валюты и средства накопления. Кратко рассмотрим основные тенденции развития экономики трех мегарегионов (Северной Америки, Европы и Восточной Азии), а также основные инструменты (средства) и экономические эффекты ведения гибридных войн США против Европы и Восточной Азии.

Основные тенденции экономического развития мегарегионов мира

Американское глобальное лидерство в 1990-х гг. базировалось на победе в холодной войне и получении беспрепятственного доступа на открывающиеся рынки стран социалистического блока. ВВП страны увеличился с 2,8 трлн долл. в 1980 г. до 6 трлн долл. в 1990 и 10,3 трлн долл. в 2000 г. Темпы роста за десятилетие составили 114% в 80-е гг. и 72% в 90-е гг. Несмотря на абсолютный рост ВВП США до 15 триллионов в 2010 г. и 20,5 трлн в 2018 г. мы видим четкую тенденцию сокращения темпов роста американской экономики. За 2000-е годы они составили лишь 46%, а за 2010-е – 35%. Во втором квартале 2020 г. ВВП США сократился на 33%, несмотря на рекордный уровень государственной поддержки экономики в 2,9 трлн долл. За период с 1980 по 2019 г. только государственный долг США (помимо долга штатов, муниципалитетов, корпораций и т.д.) вырос с 909 млрд долл. (32,5% от ВВП) до 22 трлн долл. (107% от ВВП). В 2020 г. госдолг достиг 25 трлн долл., что вместе с резким снижением ВВП свидетельствует о предкатастрофическом положении американской экономики. Только войны и экономические катастрофы в других регионах мира могут спасти американскую экономику в очередной раз, как это уже было в 1940-е годы. Тесно связанная с американской экономикой экономика Канады стагнирует в пределах 1,6–1,8 трлн долл. в год (2010-е гг.) и сдерживает рост всей североамериканской экономики.

Что происходит с экономикой главных конкурентов США?

Экономика Китая совершила рывок от 190 млрд долл. в 1980 г. до 6 трлн долл. в 2010 и 13,5 трлн долл. в 2018 (с темпами роста за десятилетие более 110%). Суммарный ВВП стран Восточной Азии (Китай, Япония, две Кореи, Тайвань, Монголия) в 2018 г. превысил ВВП США и составил 22,3 трлн долл. Китай и Япония стали крупнейшими иностранными кредиторами США, на которых в 2018 г. приходилось 10% госдолга США.

Экономика ЕС в 2010-х стагнировала на отметках 16–18 трлн долл. в год. Однако вместе с другими европейскими странами (Норвегия, Швейцария, Исландия, балканские страны) ВВП Европы составил 20 трлн долл., а вместе с Россией, Беларусью, Молдовой и Украиной суммарный ВВП Европы в 2018 г. достиг 22 трлн долл. (номинальный ВВП по методике МВФ).

Для сравнения – суммарный номинальный ВВП стран АСЕАН в 2018 г. составил 2,91 трлн долл., а стран Латинской Америки – чуть больше 5 трлн долл.

Таким образом, можно говорить о трех экономических мега-регионах (суперблоках) – Европе (22 трлн долл.), США и Канаде (22 трлн долл.) и Восточной Азии – (22,3 трлн долл.), определяющих настоящее и будущее мировой экономики. Поскольку три мегарегиона примерно равны по экономическим возможностям, логично ожидать переход к трехвалютному будущему мировой экономики. Две резервные валюты уже есть – доллар и евро. С 1 октября 2016 г. к ним официально присоединился юань, получив сразу третье место и долю в 11% в валютной корзине МВФ. Вместе с японской иеной доля валют Восточной Азии составила 19%, по сравнению с долей доллара в 42% и суммарной долей евро и британского фунта в 39%.

Поскольку значение валют определяется ролью экономик в международной торговле и создании устойчивости мировой валютно-финансовой системы, следует ожидать снижения роли британского фунта, на долю которого приходятся завышенные 8% и рост доли восточноазиатских валют до 27% (19+8). Даже в этом случае экономический потенциал Восточной Азии будет недооценен.

Что касается участия перечисленных валют в резервах Центральные банков государств мира, то в 2018 г. был виден перекося в пользу доллара (62%). На евро приходился 21% международных

валютных резервов, на йену более 5% и на юань – лишь 2% (суммарно – 7%).

США поддержали включение юаня в валютную корзину МВФ для снижения роли евро. Экономика Европы стагнирует, но обеспечивает бюджетную устойчивость курса евро, что привлекает внимание к европейской валюте как резервной валюте, создающей альтернативу доллару, и в случае развития кризиса в американской экономике именно евро может стать «тихой гаванью» для сохранения активов. В отличие от Европы, экономика Восточной Азии продолжает устойчивый рост, что создает вторую серьезную проблему для американской экономики. Юань пока имеет искусственно заниженный курс, стимулирующий китайский экспорт. Однако Китай уже разворачивается к стимулированию внутреннего потребления, что потребует большей стабильности юаня. Если в рамках ШОС будет создаваться валютный союз, то юань имеет приоритет в становлении в качестве региональной валюты и будет аналогом евро для большей части Евразии. В этом случае, возможности сохранения американским долларом функции мировой резервной валюты резко сокращаются и последствия для американской экономики и ФРС становятся крайне негативными. Можно ожидать дальнейшего снижения доли доллара в международных резервах до 55%, и роста доли юаня с 2% до 10% уже в ближайшие 5 лет (до 2025 г.).

Американцы отчетливо видят перечисленные тенденции и должны предпринимать серьезные противодействия, разрушающие экономический потенциал двух главных конкурентов, а также их способность создавать и поддерживать валютные союзы. С этой целью в 2014–2020 гг. были развязаны беспрецедентные гибридные войны против Европы и Восточной Азии.

Рассмотрим инструменты и эффекты ведения гибридной войны США против Европы.

Гибридная война против Европы

Определим гибридную войну как нанесение политического, экономического, социального, экологического и иного ущерба противнику (государству, союзу государств, международной организации и т.д.) с помощью легальных инструментов (средств) воздействия, применяемых в рамках международного права и международной морали.

Можно говорить как минимум о четырех инструментах (средствах) ведения гибридной войны против Европы, направленных

против экономики Европы, и нацеленных, главным образом, на развал ЕС, подрыв экономики Германии и ликвидацию зоны евро.

Первый инструмент – это провоцирование выхода отдельных стран из Европейского союза и зоны евро.

Выход Великобритании был обеспечен усилиями Консервативной партии (самого последовательного сторонника США) и занял всего лишь четыре года (2016–2020 гг.). С 31 января 2020 г. Великобритания потеряла политическое представительство в ЕС, а до конца 2020 г. выйдет из единого экономического пространства. Бюджет ЕС потеряет ежегодно 15% доходов, ВВП ЕС также уменьшится на 15%, ЕС потеряет одного из десяти нетто-доноров своей экономики. В результате Брексита, курс доллара к евро поднялся на 13% от минимума в 2018 г. К Великобритании могут присоединиться Нидерланды, активно обсуждающие Нексит на политическом уровне, а также Дания, Швеция, Австрия, Венгрия, Польша, Франция и тогда вопрос о разрушении зоны евро становится очевидным.

Второй инструмент состоит в провоцировании внутренней нестабильности политики ЕС из-за наплыва мигрантов. Цветные революции в странах Северной Африки, особенно Ливии (с 2011 г.) спровоцировали резкое увеличение потока мигрантов из Африки в Европу. Если в 2010 г. количество нелегальных мигрантов и беженцев оценивалось в 200 тысяч, то к 2014 г. оно увеличилось до 700 тысяч. Гражданская война в Сирии удвоила количество беженцев до 1,5 миллионов в 2015 г. По различным оценкам, дополнительные расходы бюджетов ЕС и отдельных стран на содержание сирийских беженцев составят 15 млрд евро в год, что сравнимо с ежегодными потерями от выхода Великобритании. Помимо негативного экономического эффекта прибытие агрессивных молодых мужчин-мигрантов из исламских стран создает социокультурный дискомфорт для европейцев и усиливает недовольство как политикой ЕС в целом, так и излишне «толерантной» политикой руководства отдельных стран (особенно, Германии).

Третий инструмент – создание украинского конфликта. Насильственная смена власти и гражданская война на Украине в 2014–2020 гг. это средство многостороннего политико-экономического воздействия со стороны США на взаимодействие между ЕС и Россией. В первую очередь, это средство дестабилизации поставок российского газа в ЕС через украинскую газотранспортную систему. Во-вторых, это средство препятствия для строи-

тельства «Северного потока-2». В-третьих, это средство продвижения наступательных вооружений НАТО к границам России и провоцирование европейско-российского вооруженного конфликта. В-четвертых, это средство дестабилизации торговли и инвестиций между ЕС и Россией. В-пятых, это средство подрыва экономической стабильности ЕС и роли евро как стабильной резервной валюты и т.д.

Четвертый инструмент состоит в принуждении европейских стран НАТО к существенному увеличению расходов бюджетов на оборону с 1% ВВП до 2% ВВП, что в масштабах ЕС составит дополнительно около 200 млрд долл. неэффективных расходов в год и рост госдолга. Эти же 200 млрд долл. должны быть, по мнению США, направлены на закупку американских вооружений и содержание американских баз в Европе, что поддержит американских производителей и снизит непроизводительные расходы американского бюджета.

К четырем перечисленным инструментам необходимо добавить разрушение экономических связей ЕС со странами СНГ, Северной Африки и Восточной Азии, создание зоны политической нестабильности вокруг ЕС, провоцирование внутри европейских конфликтов (региональный сепаратизм, пограничные конфликты, Косово) и другие.

Обращает на себя внимание высокая экономическая эффективность применения перечисленных инструментов.

По высказываниям представителей США (В. Нуланд и др.), затраты на украинский конфликт составили порядка 5 млрд долл., однако суммарные экономические потери России и ЕС (с учетом взаимных экономических санкций, создания альтернативных трубопроводов, нестабильности поставок) составили в 2015–2020 гг. порядка 300 млрд долл. (оценка автора). Затраты США на сирийский конфликт составили также около 5 млрд долл., а затраты России на сирийское урегулирование в 2015–2020 гг. оцениваются в 3 млрд долл., что вместе с затратами ЕС на ежегодное содержание только сирийских беженцев (15 млрд евро в год) составляет за период 2015–2020 гг. около 80 млрд долл. Затраты США на Брексит формально равны нулю, а бюджетные потери ЕС от выхода Соединенного Королевства составят, по приблизительным оценкам, 13–14 млрд евро в год. Затраты США на принуждение стран ЕС к увеличению военных расходов также равны нулю. Однако потери ЕС составят 200 млрд долл. в год. Таким образом, ежегодные потери

ЕС от использования США четырех перечисленных инструментов воздействия в 2020 г. составят 300 млрд долларов в год (оценка автора). Поскольку пятая часть этих расходов ложится на одну экономику Германии, следует ожидать замедления темпов ее роста и перехода всей экономики ЕС в состояние устойчивого спада, поскольку экономика Германии является локомотивом роста экономики ЕС. Таким образом, США получают ежегодный тридцатикратный выигрыш на финансовые средства, вложенные в использование четырех инструментов негативного воздействия.

Формально, европейцы не могут предъявить претензии ни по одному из использованных США инструментов воздействия, поскольку сами поддержали и украинский конфликт и сами ввели санкции против России и сами поддержали гражданскую войну в Сирии и сами не выступили против Брексита, и сами поддержали увеличение военных расходов (особенное рвение продемонстрировала Польша). Поэтому США, не нарушив существующие правила международных отношений, блестяще провели гибридную войну и в 2014–2020 гг. получили огромный краткосрочный эффект в подавлении экономики ЕС, как одного из двух своих наиболее мощных конкурентов. Посмотрим на ситуацию в Восточной Азии.

Гибридная война против Восточной Азии

Локомотивами развития экономики Восточной Азии являются Китай, Япония и Южная Корея. ВВП Китая достиг 14 трлн долл., Японии – 5,7 трлн долл. и Ю. Кореи – 2,2 трлн долл. Однако темпы роста японской и корейской экономики постепенно замедляются, составляя около 1% в год в Японии и 1,5–2% в Ю. Корее. Поэтому, лишь Китай становится главной экономической проблемой для США. Тем не менее, инструменты гибридной войны направлены на все три экономики. В 2014–2020 гг. использовались следующие инструменты: 1) провоцирование военного конфликта между Северной Кореей, Южной Кореей и Японией, и принуждение к росту военных расходов; 2) торговая война с Китаем; 3) борьба с высокотехнологичными компаниями из Китая; 4) провоцирование политической нестабильности в Гонконге, других регионах Китая и на границах Китая со странами АСЕАН и др.

Провоцирование военного конфликта на Корейском полуострове происходит во время ежегодных военных учений с участием американских и южно-корейских военных. Количество учений в 2010-х увеличилось в три раза, ежегодные расходы Южной Кореи

на приобретение американского оружия достигли 1 млрд долл. и выплаты на содержание американских войск приближаются к 1 млрд долл. в год. Американцы настаивают на увеличении этих расходов до 5 млрд долл. в год, а всего военного бюджета Южной Кореи до 45 млрд долл. Расходы Японии на социальное обеспечение американских войск в два раза выше (1,8 млрд долл.), однако вместе с другими затратами на содержание американского контингента они превышают 6 млрд долл. в год. Суммарные расходы военного бюджета Японии приближаются к 45 млрд долл. С учетом большого государственного долга Японии такие оборонные расходы становятся дополнительным «тормозом» в развитии японской экономики и дополнительным стимулом в развитии американской экономики, поскольку предполагается удвоить японские расходы на закупку американских вооружений (F-35 морского базирования).

В 2018–2019 гг. развернулась серьезная торговая война между США и Китаем. Если в 2017 г. торговый оборот между США и Китаем составлял 710 млрд долл. (экспорт США в Китай 188 млрд долл. и импорт из Китая 522 млрд долл.), то в 2019 г. он снизился до 541 млрд долл. Темпы роста ВВП Китая в 2018 г. снизились почти на 1 % , в то время как темпы роста американской экономики выросли на 1,5%.

В этот же период началась борьба с высокотехнологичными китайскими компаниями, обвинявшимися в краже интеллектуальной собственности и государственной поддержке. Д. Трамп даже назвал компании Huawei и ZTE угрозой национальной безопасности США. Оборудование этих компаний было запрещено для использования в американских государственных учреждениях, а американским производителям запретили поставки высокотехнологичных товаров этим компаниям. Возможный ущерб представители Huawei оценили в 30 млрд долл. за 2019–2020 гг. В 2020 г. был введен запрет на китайские соцсети WeChat и TikTok, также под запретом может оказаться AliExpress и другие китайские компании. Суммарный ущерб может составить от 50 до 100 млрд долл. в год.

Еще одним инструментом является провоцирование политической нестабильности во внутренних регионах Китая и на его границах со странами АСЕАН. Наиболее значимыми по экономическим последствиям оказались протесты в Гонконге в 2019–2020 гг., которые привели к снижению ВВП Гонконга на 2% в год, а падение в таких отраслях как туризм, авиаперевозки, ритейл, продажа недвижимости составило от 20 до 50%. Встал вопрос о возможности

дальнейшего выполнения Гонконгом роли международного финансового центра. Суммарный экономический ущерб может быть оценен в 10–15 млрд долл. в год.

Ещё одним из инструментов давления на Китай со стороны США стала пандемия коронавируса. Оценки эпидемии в западной прессе появились незамедлительно и сразу же включали обвинения китайских властей в «сокрытии информации». Д. Трамп сразу назвал вирус «китайским», а высокопоставленные политики начали призывать к наказанию Китая и обнулению его инвестиций в американские долговые обязательства (около 1 трлн долл.). Отношение к развитию эпидемии коронавируса на территории США таково, что напрашивается предположение о нанесении максимального ущерба населению своей страны для последующего предъявления иска о компенсации ущерба к Китаю, величина которого может составить несколько триллионов долларов, и привести к аресту всех экономических активов Китая и китайских компаний в США.

Подведем итоги. Гибридные войны США в 2014–2020 гг. против Европы и Восточной Азии показывают их крайне высокую экономическую эффективность. Затраты в 15–20 млрд долл. нанесли ежегодный ущерб в 300 млрд долл. экономике Европы и 250–300 млрд долл. экономике стран Восточной Азии. Иски к Китаю для компенсации ущерба от эпидемии COVID-19 могут вообще превысить 2–3 триллиона долларов. Это приведет в резкому замедлению темпов роста китайской экономики и спровоцирует либо открытый американо-китайский военный конфликт, либо ответную гибридную войну со стороны Китая, у которого для этого есть достаточно мощные инструменты (арест американских активов в Китае, «сброс» американских ценных бумаг, отказ от использования долларовых резервов, закрытие своего рынка для американских товаров и услуг, вытеснение американских компаний административными методами, санкции против американских политиков и бизнесменов и т.д.). Эффект «бумеранга» может оказаться настолько сильным, что новый президент США, а им, скорее всего, станет Дж. Байден, может прекратить противостояние и попытается вновь сделать Китай лояльным американской политике в АТР. Что касается Европы, то слабость европейских политиков и европейской политики в целом, а также высокая вероятность сохранения парламентского большинства у консерваторов в Германии после выборов 2021 г., делают Европу прекрасной мишенью для гибридных войн,

которые, несомненно, усилятся в ближайшие годы и приведут к развалу зоны евро.

Список литературы

Аллисон Г. Обречены воевать. Москва: Изд-во АСТ, 2019, с.190-289.

Бьюкенен П. Самоубийство сверхдержавы. Изд-во АСТ, Москва, 2016, с.23-75, 544-583

Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия. Ин-т востоковедения РАН, 2019, с.113-128.

Новостные и аналитические источники в интернете за 2014-2020 гг.

Статистика и публикации МВФ, ВОЗ, ЕС с сайтов данных международных организаций

Статья поступила в редакцию 14.10.2020, принята к публикации 30.10.2020.